

Владимир Владимирович Маяковский

Маяковский родился в июле 1893-го года, в Багдати, в Кутаисской губернии. Сейчас это территория Грузии. Его отцом был потомственный казак-дворянин, а мать украинкой. Первый язык, который Маяковский освоил, был грузинским. Как говорил сам Владимир, он родился на стыке трех культур (казачьей, украинской и грузинской). У Маяковского было две сестры – Людмила и Ольга (упоминает в “Облако в штанах”) и два брата, умерших в раннем возрасте.

В 1902 Маяковский поступил в гимназию, где вел революционную деятельность (участвовал в демонстрациях, изготавливал листовки, вел агитацию). В 1906-м году отец Маяковского укололся ржавой иглой. Быстро развилось заражение крови и старший Маяковский скоропостижно скончался в 1906-м году. Эта трагедия оказала сильное влияние на Маяковского и с тех пор он стал одержим чистотой и боялся крови. Двери он открывал только через ткань, постоянно мыл руки. Булавки, заколки и иголки вызывали у Владимира страх.

После смерти отца, Маяковские переехали в Москву. В Москве у семьи начались серьезные финансовые проблемы и Маяковские жили в бедности. Владимира даже исключили из гимназии из-за невозможности платить за учебу. Тогда же Владимир стал впервые пробовать себя в литературе.

В 1908-м году Маяковский вступил в РСДРП. Занимался агитационной работой из-за чего не раз задерживался, но все разы был отпущен. Однако, пока содержался в тюрьме, устраивал постоянные “скандалы”, поэтому Маяковского часто переводили из тюрьмы в тюрьму. В тюрьме исписал целую тетрадку стихотворениями, однако сам не был доволен написанным. К тому же, тетрадку надзиратели отобрали.

С этих стихотворений и начался основной поэтический путь Маяковского. После освобождения из тюрьмы Маяковский покинул партию.

Обучался живописи сначала в Строгановском училище, а потом в Московском училище живописи. Познакомился с Давидом Бурлюком, создателем футуристической группы “Гилея”, в которую позже примкнул и сам Маяковский. Первое стихотворение Маяковский опубликовал в 1912-м году – “Ночь”

Это стихотворение вошло в футуристический манифест “пощечина общественному вкусу”.

В 1912-м и состоялось первое выступление Маяковского в “собаке”.

Маяковский занимался и драматургией. Первой трагедий Маяковского была “Владимир Маяковский”.

В 1914-м году отправился в турне вместе с другими футуристами. В Одессе познакомился с обвенчанной девушкой Марией Денисовой и влюбился в нее, однако был отвергнут. Посвятил этому поэму “Облако в штанах”

Состоял в отношениях в Эльзой Триоле. В 1915-м году она привела его на квартиру к своей сестре, Лиле Брик.

Войну 1914-го года встретил восторженно, однако мнение о ней стали меняться. Написал несколько военных стихотворений (“Мама и убитый немцами вечер”, “Вам!”)

Рвался на службу, но его не брали из-за политической неблагонадежности. Под протекцией Максима Горького таки попал на службу в автомобильную роту в Петрограде. В этот период написал ряд антивоенной лирики.

В 1917-м году Маяковский получил медаль “за усердие” и через неделю арестовал офицера, вручившего эту медаль, вместе с группой других революционных солдат.

Ушел из армии по состоянию здоровья и сразу же примкнул к большевикам. Написал множество революционных стихотворений. Знаменитый “Левый марш” Маяковский написал, пока ехал на выступление перед революционными матросами.

Период гражданской войны Маяковский называет “самым лучшим временем своей жизни”.

В 1923-м году организовал группу ЛЕФ (левый фронт искусств), в которую вошли многие футуристы, оставшиеся в России.

Написал множество агитационных работ. При чтении поэмы о Ленине в зале присутствовал сам Сталин.

В 20-х годах Маяковский часто путешествовал по разным странам. Свои поездки отражал в стихотворениях и статьях, в которых отражал социальные проблемы заграницы.

Маяковский, помимо своих литературных заслуг, являлся родоначальником советской рекламы. Был невероятно продуктивен.

Увлекался азартными играми. Любил играть на деньги в бильярд и карты.

В 1930-м году главная муза Маяковского – Лиля Брик вместе с мужем Осипом Бриком уехала из СССР. Важную выставку Маяковского проигнорировали крупные деятели в СССР. В литературных кругах все чаще начали говорить, что Маяковский исписался. Последнее публичное выступление Маяковского было сорвано комсомольцами, устроившими публичную травлю Владимира. Так же, у Маяковского были проблемы с новой женщиной – Вероникой Полонской. Все это оставило серьезный след на состоянии Маяковского. 14-го апреля 1930-го года Маяковский совершил самоубийство, оставив предсмертную записку “Всем”.

Стихотворения

Ночь (1912)

*Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.*

*Бульварам и площади было не странно
увидеть на зданиях синие тоги.*

*И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.*

*Толпа — пестрошерстая быстрая кошка —
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотел протащить хоть немножко
громаду из смеха отлитого кома.*

*Я, чувствуя платья зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул, пугая
ударами в жесть, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попугая.*

Нате! (1913)

*Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,
я — бесценных слов мот и транжир.*

*Вот вы, мужчина, у вас в усах капуста
Где-то недокушанных, недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас белила густо,
вы смотрите устрицей из раковин вещей.*

*Все вы на бабочку поэтиного сердца
взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош.
Толпа озверевает, будет тереться,
ощетинит ножки стоглавая вошь.*

*А если сегодня мне, грубому гунну,
кривляться перед вами не захочется — и вот
я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам
я — бесценных слов транжир и мот.*

А вы могли бы? (1913)

*Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.*

*На чешуе жестяной рыбы
прочёл я зовы новых губ.*

*А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?*

Облако в штанах (Тринадцатый апостол) (1914-1915)

*Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке.
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут,
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий.*

*У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!*

*Мир огрómив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвухлетний.*

Нежные!

Вы любовь на скрипки ложите.

Любовь на литавры ложит грубый.

*А себя, как я, вывернуть не можете,
чтобы были одни сплошные губы!*

Приходите учиться —

*из гостиной батистовая,
чинная чиновница ангельской лиги.*

*И которая губы спокойно перелистывает,
как кухарка страницы поваренной книги.*

Хотите —

буду от мяса бешеный

— и, как небо, меняя тона —

*хотите —
буду безукоризненно нежный,
не мужчина, а — облако в штанах!
Не верю, что есть цветочная Ницца!
Мною опять славословятся мужчины,
залежанные, как больница,
и женщины, истрепанные, как пословица.

*Двери вдруг заляскали,
будто у гостиницы
не попадает зуб на зуб.
Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замми,
сказала:
«Знаете —
я выхожу замуж».
Что ж, выходите.
Ничего.
Покреплюсь.
Видите — спокоен как!
Как пульс
покойника.
Помните?
Вы говорили:
«Джек Лондон,
деньги,
любовь,
страсть», —
а я одно видел:
вы — Джиоконда,
которую надо украсть!
И украли.*

Мама и убитый немцами вечер (1914)

*По черным улицам белые матери
судорожно простерлись, как по гробу газет.
Вплакались в орущих о побитом неприятеле:
«Ах, закройте, закройте глаза газет!»*

Письмо.

Мама, громче!

Дым.

Дым.

Дым еще!

Что вы мямлите, мама, мне?

Видите —

весь воздух вымощен

громыхающим под ядрами камнем!

Ма — а — а — ма!

Сейчас притащили израненный вечер.

Крепился долго,

кургузый,

шершавый,

и вдруг, —

надломивши тучные плечи,

расплакался, бедный, на шее Варшавы.

Звезды в платочках из синего ситца

визжали:

«Убит,

дорогой,

дорогой мой!»

И глаз новолуния страшно косится

на мертвый кулак с зажатой обоймой

Сбежались смотреть литовские села,

как, поцелуем в обрубок вкована,

слезя золотые глаза костелов,

пальцы улиц ломала Ковна.

*А вечер кричит,
безногий,
безрукий:
«Неправда,
я еще могу-с —
хе! —
выбрыцав шпоры в горячей мазурке,
выкрутить русый ус!»*

Звонок.

*Что вы,
мама?
Белая, белая, как на гробе газет.
«Оставьте!
О нем это,
об убитом, телеграмма.
Ах, закройте,
закройте глаза газет!»*

Вам! (1915)

*Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?!*

*Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие нажраться лучше как, —
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова поручика?..*

*Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваετε Северянина!*

*Вам ли, любящим баб да блюда,
жизнь отдавать в угоду?!*

*Я лучше в баре ***(девкам) буду
подавать ананасную воду!*

Лиличка! (1916)

*Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в крученыховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, исступленный, гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День еще —
выгонишь,
можешь быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Все равно
любовь моя —
тяжкая гиря ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике вырветь
горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом уморят —
он уйдет,*

разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном песке.
Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметенный карнавал
растреплет страницы моих книжек...
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?

Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

Ода революции (1918)

Тебе,
освищенная,
осмеянная батареями,
тебе,
изъявленная злословием штыков,
восторженно возношу
над руганью реемой
оды торжественное
«О»!

О, звериная!

О, детская!

О, копеечная!

О, великая!

Каким названьем тебя ещё звали?

Как обернешься ещё, двулика?

Стройной постройкой,

грудой развалин?

Машинисту,

пылью угля овеянному,

шахтёру, пробивающему толщи руд,

кадишь,

кадишь благоговейно,

славишь человеческий труд.

А завтра

Блаженный *

стропила соборы

тщетно возносит, пощаду моля,

твоих шестидюймовок тупорылые боры

взрывают тысячелетия Кремля.

«Слава». *

Хрипит в предсмертном рейсе.

Визг сирен придушенно тонок.

Ты шлешь моряков

на тонущий крейсер,
туда,
где забытый
мяукал котенок.
А после!
Пьяной толпой орала.
Ус залихватский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.
Тебе обывательское
— о, будь ты проклята трижды! —
и моё,
поэтово
— о, четырежды славься, благословенная! —

Левый марш (1918)

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой!
Левой!
Левой!
Эй, синемлузые!
Рейте!
За океаны!
Или

у броненосцев на рейде
ступлены острые кили?!
Пусть,
оскалясь короной,
вздымает британский лев вой.
Коммуне не быть покоренной.
Левой!
Левой!
Левой!

Там
за горами горя
солнечный край непочатый.
За голод
за мора море
шаг миллионный печатай!
Пусть бандой окружат нанятой,
стальной изливаются леевой,-
России не быть под Антантой.
Левой!
Левой!
Левой!

Глаз ли померкнет орлий?
В старое станем ли пялиться?
Крепи
у мира на горле
пролетариата пальцы!
Грудью вперед бравой!
Флагами небо оклеивай!
Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви (1928)

*Простите
меня,
товарищ Костров,
с присущей
душевной ширью,
что часть
на Париж отпущенных строф
на лирику
я
растранжирю.
Представьте:
входит
красавица в зал,
в меха
и бусы оправленная.
Я
эту красавицу взял
и сказал:
— правильно сказал
или неправильно? -
Я, товарищ, -
из России,
знаменит в своей стране я,
я видал
девиц красивей,
я видал
девиц стройнее.
Девушкам
поэты любви.
Я ж умен
и голосист,
заговариваю зубы —
только
слушать согласись.
Не поймать
меня*

на дряни,
на прохожей
паре чувств.

Я ж

навек
любовью ранен —
еле-еле волочусь.

Мне

любовь
не свадьбой мерить:
разлюбила —
уплыла.

Мне, товарищ,
в высшей мере
наплевать
на купола.

Что ж в подробности вдаваться,
шутки бросьте-ка,
мне ж, красавица,
не двадцать,-
тридцать...
с хвостиком.

Любовь

не в том,
чтоб кипеть крутей,
не в том,
что жгут угольями,
а в том,
что встает за горами грудей
над
волосами-джунглями.

Любить —

это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачей,

блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
играючи.
Любить —
это с простынь,
бессонницей
рваных,
срывать,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считая
своим
соперником.
Нам
любовь
не рай да кущи,
нам
любовь
гудит про то,
что опять
в работу пущен
сердца
выстывший мотор.
Вы
к Москве
порвали нить.
Годы —
расстояние.
Как бы
вам бы
объяснить
это состояние?
На земле

огней — до неба...
В синем небе
звезд —
до черта.
Если бы я
поэтом не был,
я б
стал бы
звездочетом.
Подымает площадь шум,
экипажи движутся,
я хожу,
стишки пишу
в записную книжицу.
Мчат
авто
по улице,
а не свалят наземь.
Понимают
умницы:
человек —
в экстазе.
Сонм видений
и идей
полон
до крышки.
Тут бы
и у медведей
выросли бы крылышки.
И вот
с какой-то
грошовой столовой,
когда
докипело это,
из зева
до звезд

*взвивается слово
золоторожденной кометой.
Распластан
хвост
небесам на треть,
блестит
и горит оперенье его,
чтоб двум влюбленным
на звезды смотреть
из ихней
беседки сиреневой.
Чтоб подымать,
и вести,
и влечь,
которые глазом ослабли.
Чтоб вражьи
головы
спиливать с плеч
хвостатой
сияющей саблей.
Себя
до последнего стука в груди,
как на свиданье,
простаивая.
прислушиваюсь:
любовь загудит —
человеческая,
простая.
Ураган,
огонь,
вода
подступают в ропоте.
Кто
сумеет совладать?
Можете?
Попробуйте...*

Во весь голос! (1929-1930)

*Уважаемые
товарищи потомки!*

*Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем говне,
наших дней изучая потемки,
вы,
возможно,
спросите и обо мне.*

*И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.*

*Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.*

*Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной.*

*Засадила садик мило,
дочка,
дача,
водь
и гладь —
сама садик я садила,*

*сама буду поливать.
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
набравши в рот —
кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки —
кто их к черту разберет!*

Всем (1930)

Всем

*В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста,
не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.*

*Мама, сестры и товарищи, простите - это не способ
(другим не советую), но у меня выходов нет.*

Лиля - люби меня.

*Товарищ правительство, моя семья - это Лиля Брик,
мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская.*

Если ты устроишь им сносную жизнь - спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят-

"инцидент исперчен",

любовная лодка

разбилась о быт.

Я с жизнью в расчете

и не к чему перечень

взаимных болей,

бед

и обид.

Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский.

12/ IV -30 г.

Товарищи Вапповцы, не считайте меня малодушным.

Серьезно - ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль - снял лозунг, надо бы доругаться.

В.М.

В столе у меня 2000 руб. - внесите в налог.

Остальное получите с Гиза.

В.М.